

Е.С. Островская

кандидат филологических наук,

доцент факультета филологии НИУ Высшая школа экономики

elena.ostrovskaya@gmail.com

ГОРОДСКИЕ ПРОЕКЦИИ ВОЙНЫ: РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА В ПОЭЗИИ 1904-1906 гг. ПОРТ-АРТУР

Русско-японская война 1904-1905 гг. во многих отношениях стала прообразом двух мировых войн, потрясших столетие, в том числе и в первую очередь как знак индустриальной и урбанистической цивилизации. Предмет данного исследования – поэтическая проекция осмысления этой войны городом, далеким от боевых действий, городом – локусом как предпосылок, так и последствий войны. Статья предлагает общий подход к анализу поэтики стихотворного текста с точки зрения проекций города, а также прослеживает поэтическую рецепцию Порт-Артура в стихах 1904-1906 гг.

The Russo-Japanese War of 1904-5 became, in many ways, a precursor of the two world wars of the 20th century, first and foremost as a war of the urbanized civilization. The paper focuses on the poetic projection of this war as perceived by a city far away from the military action, the city as a locus of the war's premises and consequences, and proposes a general approach towards the poetics of verse in the perspective of the urban projections as well as examines the reception of Port-Arthur in the poems of 1904-1906.

Ключевые слова: Порт-Артур, русско-японская война, поэзия, урбанизм, город

Keywords: Port-Arthur, Russo-Japanese war, poetry, urbanism, city

Книга Дэвида Схиммельпеннинка ван дер Ойе, посвященная русско-японской войне 1904-1905 гг., «Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией» начинается с цитаты из романа Андрея Белого «Петербург», который канадский ученый называет лучшим литературным произведением, написанным под влиянием катастрофической для России войны с Японией. «Но это ни в коем случае не военный роман. <...> Белый полностью игнорирует военные действия на Дальнем Востоке. Его импрессионистское повествование сосредоточено на том, как поражение в войне повлияло на город, находившийся вдали от сражений»¹.

Предмет данного исследования – тот же или почти тот же сюжет в поэтическом преломлении: поэтическая проекция осмысления экспедиционной, урбанизированной войны городом, далеким от боевых действий, городом – локусом как предпосылок, так и последствий войны. Этот город – прежде всего столица, потому что отдаленность театра войны географически актуализует оппозицию «центр-периферия» или, политически, «столица – окраина / граница», а война как таковая акцентирует символическое значение столицы – средоточие духовной силы державы, которая позволит ей одолеть врага. В России же политическая и символическая столица могут быть воплощены в образах разных городов: Петербурга – центра урбанистической цивилизации, источника войн XX века – и Москвы – исторической столицы России, мифологизируемой и

© Островская Е.С., 2013

¹ М.: НЛЮ, 2009. Авторизованный пер. с англ. Н. Мишаковой. Оригинал выпущен издательством «Northern Illinois Press» в 2001 г. С. 9-11.

Е.Островская Городские проекции войны:

русско-японская война в поэзии 1904-1906 гг. Порт-Артур

сакрализованной Руси.

Русско-японская война 1904-1905 гг. – первая для России война за почти три десятилетия – во многих отношениях стала прообразом двух мировых войн, потрясших столетие², в том числе и как война нового типа – плод индустриальной и урбанистической цивилизации: основой вооружения обеих сторон стали современные технологии, они же предопределили победу стороны, более активно их задействовавшей. Одной из причин и поводов этой войны не в меньшей степени, чем способом ее поддержания для России был символ урбанизма XIX века – железная дорога, КВЖД, протянувшаяся на тысячи километров по территории Маньчжурии. Более трудноуловимой, но не менее существенной приметой урбанизма было осмысляющее войну сознание жителей метрополии, сознание городского обывателя нового, урбанистического общества, определенным образом преломлявшееся в прозе и стихах тех лет.

Поэзия в контексте литературы и культуры времен русско-японской войны.

Тезис о том, что общая специфика литературной ситуации военных лет – крен в сторону жанров «мгновенного реагирования», хорошо адаптируемых к идеологическим и пропагандистским задачам: очерков, рассказов, стихов по случаю, песен – не нуждается в доказательстве. Самым популярным и востребованным чтением 1904-1905 гг. были газетные репортажи с театра войны Вас. И. Немировича-Данченко. Толстые журналы тоже несли читателю информацию о войне или противнике, причем как в публицистических, так и собственно литературных разделах. Так, в «Русском вестнике», начиная с 11 номера за 1904 г., публиковался роман Г.М. Пилипенко «Токио в наши дни», представленный как «едва ли не первый опыт ... настоящего японского романа» в европейской литературе³, а очерками о разных сторонах жизни Японии пестрели журналы самого разного толка⁴.

Обзорных статей по литературе Русско-японской войны на удивление немного, и классической продолжает оставаться статья П.С. Выходцева «Русско-японская война в литературе эпохи первой русской революции» в сборнике, посвященном полувековому юбилею революции 1905 года⁵, несмотря на давность и очевидную идеологическую ангажированность. Автор ее отмечает изменения в жанровом составе литературы в сторону жанров документальных и полудокументальных: «События войны вызвали к жизни произведения таких литературных жанров, как очерк, путевые заметки, дневниковые записи, наброски с натуры, воспоминания»⁶, – и рассматривает достаточно обширный массив художественных и мемуарно-биографических текстов о войне, от представителей патриотического лагеря до «Красного смеха» Л. Андреева и «Штабс-капитана Рыбникова» А. Куприна и произведений откровенно революционной направленности, что и обеспечивает ценность работы для сегодняшних исследователей, несмотря на откровенно тенденциозный анализ. Поэзия в статье практически не обсуждается: «Ничего значительного не дала и буржуазная поэзия о войне, представленная тощенькими книжонками ура-патриотических виршей Л. Денисьева, А. Былинского, И. Северянина. <...> Этой поэзии противостояли ставшие народными песни “Варяг”, “От павших твердынь Порт-Артура” и “Плещут холодные волны”»⁷. Любопытно, что для простоты советский литературовед совмещает идеологические и жанровые лекала, противопоставляя правду лжи, а песню – виршам. Отметим

² Ср. сборник, посвященный Русско-японской войне, подготовленный американскими учеными, в котором они предлагают ее считать «нулевой мировой войной»: Steinberg J, Menning B., Schimmelpenninck van der Oye D., Wolff D., Shinji Yokote, eds. *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero*. Leiden–Boston : Brill, 2005.

³ Русский вестник. 1904, № 11. С. 265.

⁴ Ср. в журнале «Война с Японией» за 1904 г.: «Взгляды японцев» (№ 1), «Японская мораль» (№ 6), «Настроение японцев» (№ 7) и т.д.

⁵ Выходцев П.С. Русско-японская война в литературе эпохи первой русской революции // Революция 1905 года и русская литература. Ред. В.А. Десницкого, К.Д. Муратовой. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956.

⁶ Указ. соч. С. 282.

⁷ Там же. С. 283.

также, что автор не разделяет войну и революцию.

Австралийский исследователь Дэвид Уэллс, автор современной обзорной статьи «Русско-японская война в русской литературе» (написанной для британского издания, посвященного рецепции Русско-японской войны в мировой культуре) предлагает сходную классификацию, тоже акцентирующую жанры документальные или околодокументальные, но включающую и поэтические произведения. В нее входят три категории: «поэзия символистов» («высокой степени абстракция», символисты, «как правило, представляли войну как разворачивание стихийных сил в сфере метафизики или религии»⁸), «психология войны» (рассказы З. Гиппиус и Л. Андреева) и автобиографическая проза (Эрастов, Л. Сулержицкий и В. Вересаев и другие).

Основной интерес исследователя направлен не столько на обзор как таковой, сколько на своеобразные идеологические фильтры, сквозь которые большая часть литературных произведений пропускает эти события. «Война <...> выступает как катализатор самоопределения, и реальные события военного противостояния в Маньчжурии гораздо менее важны, чем то значение, которое может быть им приписано с точки зрения более актуальной внутренней проблематики. <...> У всех литературных откликов на войну имеется скрытый мотив, это всегда война плюс что-то еще»⁹. В стихах поэтов-символистов из таких «скрытых мотивов» он выделяет политическую сатиру (Бальмонт, отчасти Сологуб) и национальную идею, в ее собственно политической проекции (Брюсов, Иванов) или в виде соловьевского «панмонголизма» (Блок, статьи Белого). Иными словами, Дэвид Уэллс, как и П.С. Выходцев, предлагает читать стихи, посвященные русско-японской войне 1904-1905 гг., прежде всего как политическую или философскую декларацию, оставляющую мало места для событий на далеком Востоке и неизменно возвращающую читателя к судьбам России, которые вершатся в Петербурге. Принимая этот тезис, попробуем подробнее рассмотреть, так сказать, поэтику идеологической проекции, то есть проследить, как авторы стихов, посвященных событиям русско-японской войны, обращаются с локусами Дальнего Востока и проецируют их на (столичный) мирный город.

Специфика задачи данного исследования – описание поэтики идеологических конструкторов – определенным образом формирует корпус текстов, являющихся его материалом. Нас интересует непосредственный поэтический отклик на события, разворачивавшиеся на Дальнем Востоке, то есть поэзия 1904-1906 гг., адресованная читателю-современнику. Это означает, что корпус рассматриваемых текстов преимущественно состоит из публикаций в стихотворных разделах периодической печати, прежде всего журналов. Безусловно, массив поэтических текстов, удовлетворяющих данным условиям, велик, и в рамках данной работы мы не претендуем на всеохватность, однако их количество позволяет говорить о представительности. Консервативный фланг политического спектра представлен журналом «Русский вестник» – одним из самых очевидных и одиозных изданий этой направленности. В 1904-1905 гг. в журнале имелся особый поэтический раздел, посвященный войне, «Военно-политические отголоски» (сатирические вирши, преимущественно написанные Н. Соколовым, хотя в нем публиковались и другие авторы, в том числе В. Пуришкевич), который стал источником ряда рассматриваемых в работе текстов. Использовались также материалы «Военного сборника», «Войны с Японией», «Дневника войны». Еще один любопытный источник, позволяющий ознакомиться с большим массивом преимущественно горячо патриотических и в значительной степени крайне низкого качества стихов, – сборник «Отклик русского сердца на события Дальнего Востока» (1904 г.)¹⁰, с подборкой в 100 с лишним страниц стихотворений, в том числе ранее опубликованных в упомянутых изданиях.

⁸ Wells D. The Russo-Japanese War in Russian Literature // The Russo-Japanese war in cultural perspective, 1904-05. Ed. D. Wells and S. Wilson, Palgrave, Mac., 1999. P. 110. Здесь и далее перевод мой – ЕО.

⁹ Op. cit. P. 109.

¹⁰ Отклик русского сердца на события Дальнего Востока: Сборник патриотических стихотворений / Издание в пользу «Комитета по организации отрядов братьев милосердия во имя Христа». Спб., 1904.

*Е.Островская Городские проекции войны:
русско-японская война в поэзии 1904-1906 гг. Порт-Артур*

Либеральные СМИ представлены в первую очередь не менее известным журналом «Русское богатство», а также материалами «Мира Божьего». На революционном фланге печати имеет смысл рассматривать нелегальные газеты (например, «Солдатская жизнь», в первом номере которой было опубликовано «На родине» Т. Щепкиной-Куперник), но проще обратиться к последующим подборкам и сборникам стихотворений соответствующего лагеря, благо ситуация быстро изменилась, и из нелегальных они перешли в разряд часто публикуемых¹¹.

Отдельную группу текстов могли бы составить песни как собственно военные, так и объединяющие военную и революционную тематики, но ряд из них (например, все то же «На родине») публиковались сначала как стихи, поэтому обращаясь к подобным текстам, мы никак специально не рассматриваем их песенную судьбу. Среди них особо для нас актуальны уже упоминавшаяся нами песня на слова Т. Щепкиной-Куперник (стихи были впервые опубликованы в газете «Солдатская жизнь» от 5 февраля 1906 г., за подписью «Гренадер» и перепечатаны в газете «Голос солдата» от 9 апреля 1906 г., без заглавия и без подписи) и хрестоматийные тексты песен о Варяге («Плещут холодные волны» Я. Репинского и «Врагу не сдается наш гордый Варяг» Р. Грейнца в переводе Е. Студенской), хотя рассматривались и тексты Г.Галиной, Тана-Богораза, КР и т.д.

И наконец, последняя группа обсуждаемых текстов – как правило, именно о них и говорят, когда речь идет о поэзии русско-японской войны – это стихотворения известных поэтов-символистов, откликнувшихся «на события Дальнего Востока»: Вяч. Иванова, В. Брюсова, Ф. Сологуба, А. Блока, К. Фофанова, А. Белого. Именно к этим текстам в тех или иных комбинациях обращаются исследователи (ср. главу книги А. Пайман «История русского символизма», статьи Д. Уэллса, Б. Шерри и т.д.)¹². Их действительно имеет смысл рассматривать отдельно, хотя некоторые из них попадают в поле нашего внимания и как журнальные публикации в рассматриваемых нами изданиях (так, «Боевая гроза» Фофанова была опубликована сначала в журнале «Война с Японией», потом перепечатана в «Отклике русского сердца...»¹³).

Война и город: каналы информации и язык войны

Одна из важнейших черт войны двадцатого века, с которой столкнулись участники и современники Русско-японской войны – новые технологии, затронувшие самые разные сферы войны, в том числе информационную. Скорость распространения информации, характер поступления военных донесений – одна из причин, по которой авторы недавнего тома в серии военной истории, посвященного Русско-японской войне, склонны видеть в ней провозвестника войн двадцатого века, «нулевую» мировую (World War Zero): «Благодаря электрическим средствам коммуникации, и тыл, а, на самом деле, и весь мир могли за считанные часы узнать исход морских и сухопутных сражений. Во многих отношениях русско-японская война ближе к Первой мировой, чем гражданская война в Америке 1861-1865 гг. или Франко-прусская война 1870-1871 гг.»¹⁴.

Напряженный интерес, с которым жители городов следили за ходом военных действий, выливался в напряженный интерес и к медиа: газета, военное донесение, телеграмма постоянно упоминаются в речи и становятся важной лексической характеристикой языка военного времени и важным элементом военного нарратива, связующим звеном между обыденной реальностью, блаженной рутинной мирной жизни, и знаками дальней враждебной реальности.

¹¹ Ср. сборники, вышедшие непосредственно во время революции, например, Песни и стихи революции. Казань: Союзов, 1906; - и позднейшие собрания, например, Поэзия в большевистских изданиях 1901-1917. Л.: Советский писатель, 1967 или: Стихотворная сатира первой русской революции (1905-1907). Л.: Советский писатель, 1969 и др.

¹² Пайман А. Русско-японская война и революция 1905 года // История русского символизма. М.: Республика, 2000. С. 227-265; Wells D. Op.cit.; Scherr B. The Russo-Japanese War And The Russian Literary Imagination // Steinberg J, Menning B., Schimmelpenninck van der Oye D., Wolff D., Shinji Yokote, eds. The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden–Boston : Brill, 2005. Pp. 425-448.

¹³ Война с Японией. № 3. 27 июня 1904 г. С. 11; Отклик русского сердца на события Дальнего Востока. Спб., 1904. С. 8.

¹⁴ Steinberg J. Op. cit. P. XXI.

Изменения в языке городского обывателя проявляются и в активном употреблении специфической лексики, преимущественно имен собственных: городская речь наполняется географическими названиями, зачастую непривычными – варваризмами, почерпнутыми из газет, – военными терминами, именами противников и военачальников или героев отечественной армии. Журналистские военные репортажи, как правило, стремятся последовательно и четко выдерживать привязку к месту и времени, порой обретая эту «военную точность» еще до того, как их авторы достигнут собственно театра войны. Так, специальный корреспондент «Биржевых ведомостей» Н.А.Демчинский, направленный на фронт новообразованным изданием «Дневник войны»¹⁵ в 1904 г., через несколько месяцев после начала военных действий, публиковал репортажи по мере своего продвижения. Его корреспонденции озаглавлены, как записи в дневнике, местом действия и датой (например: «На театр войны. Первый блин. Самара 26-го мая»¹⁶ и др.).

С. Брасвелл в статье о военных нарративах указывает особую роль в них детали, призванной обеспечить правдоподобие и завоевать доверие читателя¹⁷. Именно эту роль в поэтических текстах играют топонимы – функционирующие как даже не хронотоп, а свернутый нарратив, – антропонимы и военные термины. При этом язык поэзии на начало двадцатого века еще продолжает осознаваться как гораздо более консервативный и потому продолжает оказывать большее сопротивление языку войны.

Первыми сигналами войны становятся географические варваризмы, названия и имена, вторгающиеся в рутину жизни городского обывателя. Именно в таком виде: мирная жизнь – средство (массовой) информации – маньчжурское или японское географическое название/имя – война и связанный с ней комплекс ощущений, в основном суммируемых как «боль», – русско-японская война фигурирует в последующих мемуарных и художественных текстах. Ср., например, мемуарные заметки Эриха Голлербаха:

<...> в первые дни, когда японцы топили русский флот и газеты были полны певучими и странными японскими именами. В черную яму бесславия ухнула русская мощь, и выходило, что всему виною был не то Фузияма, не то Ляоян. Пошли в ход конфетные коробки с японскими видами, дешевенькие веера с гейшами. Вечером за чаем говорили о нехороших интендантах, о Цусиме и Порт-Артуре¹⁸.

или «Путем вся земля» А. Ахматовой:

Черемуха мимо
Прокралась, как сон.
И кто-то «Цусима!»
Сказал в телефон¹⁹.

Замена более привычной газеты на телефон в поэме Ахматовой привносит дополнительные символические обертона: здесь актуализируется символика «бытовых memento mori» и связи с загробным миром, в терминологии Р.Д. Тименчика²⁰ – телефон соединяет не только прошлое и настоящее, но и прошлое и будущее, начало и середину века. Но сама конструкция остается неизменной: современный канал связи – новость, свернутая в топоним. Топоним перестает восприниматься как таковой и становится свернутым нарративом. Прочитанные тексты демонстрируют его с некоторой временной дистанции, то есть уже сформированным нарративом русско-японской войны, увиденным сквозь призму дальнейших войн и катастроф. Так, Н. Грякалова, описывая восприятие русско-японской войны современниками и потомками, выделяет

¹⁵ Издавался с 30 мая (12 июня) 1904 г.

¹⁶ Дневник войны. 1904. №2. Четверг 3 (16) июня 1904 г. С. 9 (пагинация издания сплошная для всех номеров).

¹⁷ Braswell S. War Stories: 'Truth' and Particulars // WLA [War, Literature & the Arts]. №11 (1999), № 2. P. 149.

¹⁸ Голербах Э. Разъединенное // Э. Голербах. Встречи и впечатления. Спб.: Инапресс, 1998. С. 25.

¹⁹ Ахматова А. Путем вся земля // Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. С. 272.

²⁰ Тименчик Р. К символике телефона в русской поэзии // Труды по знаковым системам. 22. Уч. зап. Тарт. ун-та., вып. 831. Тарту: Тартуский гос. ун-т. С. 156.

*Е.Островская Городские проекции войны:**русско-японская война в поэзии 1904-1906 гг. Порт-Артур*

географические названия как топоним боли и национального унижения: «Ляоян, Шахэ, Мукден, Цусима... Звучащие чуждо для русского слуха географические названия обозначали болезненные точки исторической памяти и уязвленного национального самосознания современников Русско-японской войны»²¹.

Тем не менее, конструкция «канал связи – топоним» присутствует уже в литературе и поэзии 1904 - 1906 гг., когда она еще не означает «боль» с такой очевидностью и неизбежностью: исход войны в начале не был предрешен, по крайней мере, городское население столиц этого не видело. Подробного внимания заслуживают оба компонента конструкции в их взаимосвязи, но основным фокусом в этой связке в рамках данной статьи будут топонимы, которые будут рассматриваться на примере Порт-Артура. Мы проследим, какие сюжеты связываются с Порт-Артуром, и как они проецируются в координаты столицы и которой из столиц. Однако пытаюсь определить черты новой поэтики, очертим сначала круг поэтических приемов, которые можно считать традиционными для военной лирики.

Топонимы в традиции военной лирики XIX века

Главная в исторической памяти России война XIX века – война с Наполеоном 1812 г. – породила и самое хрестоматийное стихотворение о войне, «Бородино» М. Лермонтова, активно цитируемое и в стихах 1904-1906 гг. Использованная в нем модель заглавия, топонима-нарратива, остается популярной и для следующей войны, нашедшей отражение в русской поэзии, – Крымской войны 1853-1856 гг.

Среди этих текстов тоже есть хрестоматийные, такие как «Внимая ужасам войны» Н. Некрасова, и ряд менее известных стихотворений крупных поэтов: Ф. Тютчева, А. Фета, А. Майкова и т.д. Географические названия и здесь – важный элемент поэтики. Как правило, это одно или два центральных названия, связанных с местом боевых действий: Севастополь (И Севастопольского гула / Последний слышим мы раскат, Ф. Тютчев «Черное море»; За Севастопольской стеной / Держался грудью русский строй, Ростопчина «Песня русским воинам, раненым в Севастополе» и т.д.), Черное море («Черное море» Ф. Тютчева; И черноморская волна / Уныло в берег славы плещет..., Н. Некрасов, «Тишина» и др). В ряде стихотворений топоним фигурирует уже в заглавии, как и в «Бородине» (ср. «Песня русским воинам, раненым в Севастополе» Е. Ростопчиной), а в каких-то из них – только в заглавии («Солдатская песня о Севастополе» А. Апухтина, «Севастопольское братское кладбище» А. Фета, «Севастополь» Вас. Немировича-Данченко и т.д.). В стихах, написанных как непосредственный отклик на события, топоним, как правило, имеет конкретные функции: географической привязки или указания на конкретное событие, как у Тютчева или Ростопчиной. Со временем он превращается в свернутый нарратив, отсылая ко всему комплексу событий и эмоций, связанных с этим местом, как у Фета или Немировича-Данченко.

Кроме того, во многих текстах активно задействуются этнонимы и связанные с ними слова, апеллирующие к национальному самосознанию русских, прежде всего Россия или даже Русь и/или русский царь, что ожидаемо во время войны: Ударила война, / Россия вызвана на созерцанье миру (А. Майков «1854 год»), И одиннадцать месяцев целых / Чудотворная крепость, Россию храня, / Хоронила сынов ее смелых... (А. Апухтин «Солдатская песня о Севастополе»), О вы, чья кровь лилась рекой / За Русь Святую нашу, (Е. Ростопчина «Песня русским воинам, раненым в Севастополе»). Любопытно, что соединение этнонима с топонимами выстраивается в две основные модели: Россия – театр войны:

Опять зовет и к делу нудит
Родную Русь твоя волна,

²¹ Грякалова Н.Ю. Война на востоке и кризис европейских ценностей (евро-азиатский маршрут Максимилиана Волошина) // Грякалова Н.Ю. Человек модерна. Биография-рефлексия-письмо. Спб., 2008. С. 183.

И к распре той, что Бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна, -
(Ф. Тютчев. Черное море)

и Россия – Москва:
Защитники страны родной,
О вы, чья кровь лилась рекой
За Русь Святую нашу, —
Пусть голос наш к вам долетит:
Вас всех Москва благодарит
За кровь и жертву вашу!

(Е. Ростопчина. Песня русским воинам, раненым в Севастополе).

Обе конструкции абсолютно логичны с точки зрения риторики войны, и если театр войны в обосновании не нуждается, то Москва предстает как центр и средоточие России, готовой дать отпор любому врагу. Существенно, что в качестве этого центра выступает не политическая столица – Петербург, а Москва – исторический и церемониальный центр, город, овеянный славой 1812 года, символический центр России.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг., надолго предопределившая развитие военной прозы рассказами Гаршина, в поэзии, напротив, не оказала заметного влияния.

Порт-Артур в поэзии войны

Традиция поэтического осмысления топонимов в военных стихах XIX века, разумеется, особенно актуальна для той части рассматриваемого нами материала, которая не представляет собой художественной ценности и неизбежно является перепевом предшественников. С другой стороны, заметное различие в ситуации неизбежно сказывалось на поэтике даже и таких стихов. Невероятная удаленность театра войны от обеих столиц и вообще европейской и даже большей части азиатской территории России усиливалась не просто чужими, но и лингвистически чуждыми топонимами: они не укладывались ни в фонетический, ни в грамматический строй русского языка. Если Севастополь – название по происхождению греческое и давно апроприированное языком наряду с самим городом – совершенно естественно ложилось в русский стих, чужавшийся его лишь в силу своей общей ориентированности на возвышенное, то Цусима, Мукден, Чемульпо, Шахэ и Ляоян воспринимались как нечто совершенно чуждое языку в целом, не говоря уж о стихе. Порт-Артур здесь явился исключением, так как в отличие от Цусимы, Мукдена, Чемульпо, Шахэ и других откровенных варваризмов, был названием европейским, с понятной этимологией и внятно вычленимой внутренней формой (его часто именовали просто «Артуром»).

Порт-Артур фигурировал в военных донесениях с первых минут войны, когда Япония без объявления войны напала на мирно стоявшие на рейде русские суда, а посещавший театр государь-император получил известие, мгновенно доставленное по новейшим каналам связи, но переданное государю с опозданием. Так описываемая нами конструкция появилась в средствах массовой информации – тех же газетах – и стала предметом разговоров. Вскоре Порт-Артур становится предметом изображения и в поэзии. В консервативном лагере, где не рассматривали Японию всерьез, в начале войны преобладали победные шапкозакидательские настроения, находившие наилучшее воплощение в сатирических стихах. Например, Порт-Артур многократно упоминается в сатирических «Военно-политических отголосках» Н. Соколова в «Русском вестнике» преимущественно как локус славы русского оружия и грядущей победы России или предательства (а часто – и того, и другого).

Нехитрые вирши «Отголосков» выстраивались по нескольким очевидным моделям, одна из

*Е.Островская Городские проекции войны:**русско-японская война в поэзии 1904-1906 гг. Порт-Артур*

которых – перекраивание хрестоматийных стихов. Из известного лермонтовского перевода Г. Гейне «На Севере диком стоит одиноко...» получается стихотворение «Раздвинувши веер, стоит одиноко...», в центре которого - сатирическая фигура «японского маркиза», мечтающего попасть в Порт-Артур, но обреченного, как и сосна в прототексте, не увидеть исполнения своей мечты.

И снится ему: в Порт-Артуре далеко,
Откуда он прогнан опять,
Куда он прорваться хотел бы наскоком,
Ему никогда не бывать²².

Сатирический характер стихов подразумевал заведомо низкий жанр, что позволяло авторам активно включать в текст иноязычные элементы, так как макаронизм как отсутствие подлинной гладкости стиха и создание мнимой – классический прием именно шуточной, сатирической поэзии. Сатирические стихи шли в ногу с отделами карикатур периодических изданий и оперировали теми же клише при изображении японцев (гейша, микадо, банзай)²³. Кроме того, в них активно используются и различным образом обыгрываются японские имена. Так, в «Отголосках» Порт-Артур предсказуемо связывается с именем адмирала Того, главнокомандующего объединенным флотом Японии, и последовательно ассоциируется с темой предательства, крайне актуальной для «Русского вестника» 1904-1905 гг. и составляющей все более важную тему «Отголосков»²⁴. Ср.:

Словно Того в Порт-Артуре,
Без огней в потемках прут:
И войны не объявляли,
А в полон уже берут²⁵.
или:
А другому дорога – к Порт-Артuru за Того,
Или в дальний поход с Камимурой²⁶.
Или наконец:
Что, от них обороняясь,
Мы нечестно поступили,
Оттого, что Порт-Артuru
Сразу им не уступили²⁷.

В том же ключе, как с точки зрения символики, так и собственно поэтики, изображается Порт-Артур в «Откликах русского сердца на события дальнего Востока», где ему отведен особый раздел. Там имеется сатирическое стихотворение «Порт-Артур», выдержанное в стилистике «Русского вестника», за подписью «К.В.Н.», где Порт-Артур выводится в сильную стиховую позицию

²² Соколов Н. Раздвинувши веер, стоит одиноко... // Русский вестник. 1904, №4. С. 834. Любопытно, что аналогичный прием – сон о победе в Порт-Артуре можно найти и в прозе, причем во вполне серьезном и героическом ключе. Так, в рассказе Ив. Иванина «Под водой», опубликованном в журнале «Война с Японией», один из героев, «пассажиры сибирского поезда, везшего [их] на Квантунский полуостров», юный мичман, доброволец, рассказывает свой сон о том, как ходил в атаку на подводной лодке. Сон начинается словами: «Я увидел себя в Порт-Артуре», - в ходе дальнейших событий сна морякам удастся установить телефонную связь с крепостью. Отметим в очередной раз неизбежное присутствие телефона (Иванин Ив. Под водой // Война с Японией. № 12. 29 августа 1904 г.)

²³ Ср. об изображении японцев в сатирической прессе Filippova T. Images of the Foe in the Russian Satirical Press // Steinberg J, Menning B., Schimmelpenninck van der Oye D., Wolff D., Shinji Yokote, eds., The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden–Boston : Brill, 2005. P. 412.

²⁴ Тема предательства в «Русском вестнике» было посвящено выступление И.О. Ермаченко на круглом столе «Что такое предательство? Моральные представления о нарушении лояльности как предмет исторического изучения», состоявшегося 28 апреля 2010 г. в ГПИБ (Ермаченко И.О. «Антропология измены» в «Русском вестнике» 1904–1905 гг.: враг внешний и внутренний). Благодарю автора за любезное предоставление текста доклада и надеюсь на его публикацию.

²⁵ Двухсторонняя атака // Русский вестник. 1904, №5. С. 444.

²⁶ Кодама и его сыновья // Русский вестник. 1904, №7. С. 473. Стихотворение целиком посвящено теме предательства и шпионажа: информационным поводом к нему стала реакция японцев на расстрел русскими в Маньчжурии японского шпиона.

²⁷ Чужое лучше // Русский вестник. 1904, №8. С. 934.

(клаузулу), становится рефреном (точнее, последовательной эпифорой) и последовательно рифмуется с достаточно умело подбираемыми разными частями речи: Амур – хмур – чересчур – Амур, – героем же стихотворения является все-таки адмирал Того:

Адмирал японский Того
Мыслил в дерзости своей:-
«У меня снарядов много
И железных кораблей –
«Русских живо в их избушки
Мы отгоним за Амур!..»
И своей эскадры пушки
Он навел на Порт-Артур.
<...>

Но проходят дни, недели –
Адмирал в каюте хмур:
Что же это в самом деле
Не сдается Порт-Артур?²⁸

Разворачивание военных действий в районе Ляодунского полуострова принесло атаки японских брандеров на Порт-Артур и продолжительную осаду. В прессе город изображался как несокрушимая «твердыня» и локус мужества, причем как со стороны русских, так и со стороны японцев²⁹. Клише «твердыня Порт-Артура» активно задействовалось и в поэтических текстах разных направлений, причем как до, так и после падения крепости. Встречается оно в «Отклике...» в 1904 г.: Но бодро, как верный оплот, / Твердыня стоит Порт-Артура, / Храня наш возлюбленный флот! (В.Ж. Порт-Артур)³⁰; Они спешат в редевшем мраке ночи / Покинуть близость гибельных твердынь (Л. Кологривова. Ночная атака)³¹, – в знаменитой песне на слова Т. Щепкиной-Куперник: От павших твердынь Порт-Артура, / С кровавых Маньчжурских полей / Калека-солдат истомленный / К семье возвращался своей³² – и даже, что любопытно, в переводе «японской патриотической песни», напечатанной в не менее патриотической «Войне с Японией»: Как ничтожна России эскадра, / Как ничтожны твердыни Артура...(Японская песня)³³.

Надо сказать, что обращение к клише в сатирических и не только сатирических стихах обращает на себя особое внимание. Это не просто устойчивое словосочетание: как в народной литературе, оно используется вне зависимости от точки зрения. Падение крепости усвершенствует образ, но не меняет его: «павшая твердыня» не перестает быть твердыней, и даже в устах врага звучат те же слова. Ср. более полный текст:

Как ничтожна России эскадра,
Как ничтожны твердыни Артура...
Укрепленная кровью народа,
Гордо режет прозрачные воды
Гордость Ниппона, флот наш могучий...

То же происходит и с «японским маркизом» в стихах Соколова: фраза «в Порт-Артуре далеко» предполагает отсылку к соответствующим строкам Лермонтова, а кроме того эпитет подчеркивает дальность расстояния от автора и читателя (что усиливается сходством с основным топонимом,

²⁸ Отклик... С. 73.

²⁹ Ср. Ермаченко И.О. «Дары желтого моря». Атаки японских брандеров на Порт-Артур в зеркале русской прессы // Хронотоп войны. Мир и война: культурные контексты социальной агрессии 3. М.- СПб., 2007. С. 175-179.

³⁰ Отклик... С. 70.

³¹ Там же. С. 71.

³² Солдатская жизнь № 1. 5 февраля 1906 г. С. 4

³³ Война с Японией. № 25. 28 ноября 1904 г. С. 11. Текст публикуется как перепечатка перевода из японской газеты «Хооци», опубликованного в газете «Русь».

*Е.Островская Городские проекции войны:**русско-японская война в поэзии 1904-1906 гг. Порт-Артур*

«Дальний Восток»). В действительности расстояние между Японией и Ляодунским полуостровом не так уж мало (если считать от Токио, оно превышает 1600 км), но «далекий Порт-Артур» воспроизводит прежде всего модель восприятия читателя-жителя метрополии и его делает точкой отсчета.

Более того, в ряде стихотворений из раздела «Русского вестника» «Отголоски» столица является не только точкой отсчета, но и основным локусом: в соответствии с названием раздела, события Дальнего Востока проецируются на более близкие. Так, в «Двусторонней атаке» реформа русской орфографии приравнивается к театру войны, а замышляющие ее инородцы-изменники – к вероломным японским военачальникам, без объявления войны напавшим на Россию. В начале стихотворения формальные признаки сравнения еще сохраняются:

Кульман, Брандт и Корш Феодор,
Бодуэн де Куртенэ –
Как японцы, отличились
С русской грамотой в войне.

Словно Того в Порт-Артуре,
Без огней в потемках прут:
И войны не объявляли,
А в полон уже берут³⁴.

А в конце метафора достигает апогея и ряды врагов смыкаются:

Шли маркизы: Ито, Того,
Бодуэн де Куртенэ,
Суематсу, Ямамото,
Корш Феодор, как во сне...³⁵

При этом обе части сопоставления выдерживаются последовательно, и если на уровне антропонимов рифмуются имена японцев и внутренних изменников, то на уровне топонимов – Порт-Артур с Петербургом все в той же ипостаси локуса измены. Эта параллель усиливается подзаголовком «Японцы с моря, язычники с Васильевского острова» и пояснением, выдержанным в серьезном духе, которое переводит весь сюжет из области яркой идеологической метафоры в область конспирологии, тем самым заметно понижая его художественную ценность: «Читатели не должны удивляться тому, что «Двусторонняя атака» помещена под рубрикою «Военно-политическая отголоски», которые посвящены собственно вооруженному столкновению между Россией и Японией. Из самых достоверных английских источников идут слухи, что военная организация «Орфографической подкомиссии» при академии Наук выработана при ближайшем и непосредственном участии японского генерального штаба в Токио»³⁶.

Гиперболизированный пропагандистский образ материализует языковую метафору внутреннего врага и одновременно приобретает символически-мистические черты, представляя собой не просто средоточие «желтой опасности», но и в целом трагическую рифму к событиям далекой войны, ее неизбежное эхо. При этом в 1904 г., когда положение Порт-Артура мнится незыблемым, вся проекция представляется исключительно сатирической конструкцией. Однако после сдачи Порт-Артура и начала революционных событий 1905 г., то есть менее чем через год, подобная реализация метафоры представляется не менее фантастичной, но изображается в совершенно серьезном и даже трагическом ключе. Такой сюжет разворачивается в стихотворении А. Белого «Японец возьми»: пространства неназываемого города – в силу близости стихотворения к поэтике романа, опознаваемого как Петербурга – подпадают под «желтую пятю» японца. Стихотворение увидело свет в 1929 г. во втором издании «Пепла», но датировано «1906, 1925». В

³⁴ Двусторонняя атака. С. 444.

³⁵ Там же. С. 448.

³⁶ Там же. С. 444.

«Предисловии» поэт причислил его к «лирическим эмбрионам, пережитым и недописанным», оставленным в момент работы над сборником и впоследствии переработанным. Строго говоря, подобная история выводит текст за рамки рассматриваемых нами, так как в нем невозможно выделить непосредственный поэтический отклик на события, однако интересующий нас элемент поэтики – момент проекции военных событий Дальнего Востока в координаты Петербурга – структурообразующий, и должен был существовать и на стадии эмбриона в 1906 г.

Примечательно, что из этого эмбриона выросло не только завершённое стихотворение 1925 г. Не менее трудно, чем в этой готовой форме отделить зерно от ростка, и провести четкое разграничение между стихотворением и романом Белого «Петербург», с которым оно тесно связано на уровне поэтики. Как пишет Омри Ронен: «Было ли стихотворение “Японец возьми” (и “Помойная яма”) звуковым зародышем “Петербурга”? <...> Или же наоборот: “Петербург” находит себе звуковой и сюжетный “ракурс” (пользуясь термином Белого), лирическую интерпретацию задним числом, в поздних, переработанных стихах “Пепла”?»³⁷

В поэтическом тексте Белого, гораздо более лаконичном, чем «Двусторонняя атака», как и у Соколова, антропонимы перетягивают на себя функции топонимов, каковые как маньчжурские, так и русские в нем отсутствуют. Однако основной код стихотворения – пространственный, городской: пыльная площадь, пригород, тюрьма, город, – и в этом контексте антропонимы – царь Николай и маршал Ояма – приобретают пространственную, топонимическую проекцию (военные действия на Дальнем Востоке проецируются на столичный русский город³⁸), поддержанную синекдохическим продвижением по русской земле абстрактного «японца» (его образ собирается из разных частей тела – «желтой пяты» и «желтой рожи»). «Наступающие рати», которые сначала грозят прицельно царю Николаю (Лай наступающих ратей / Слышишь ли, царь Николай?), как и в «Двусторонней атаке» к концу вырастают в тотальную угрозу для российского народа:

Тухни, — помойная яма!
 Рухни, — российский народ!
 Скоро уж маршал Ояма
 С музыкой в город войдет.

Примечательно, что угроза в стихотворении и в романе решена сходным образом в метафорическом пространственном ключе: угроза в наступлении и непосредственном шествии по знакомым, своим улицам чужих и потому особенно жутких толп, «ратей». Казалось бы, у врага есть имя, как этническое, «японец», так и собственное, «Ояма», тем не менее, за счет противопоставления фрагментарного (рожа, пята, японец, Ояма) и нерасчлененного целого (рати), они не совмещаются в единое целое и существуют в читательском сознании чередованием надвигающейся массы и отдельных пятен. В романе пространственный код ближе к описываемому Соколовым: нерасчлененная угроза материализуется в массах, которые нападают на столицу с острова («Вы толпы скользких теней с островов к себе не пускайте!»³⁹), «Толпы зыбких теней не пускайте вы с острова: вкрадчиво тени те проникают в телесное обиталище ваше; проникают отсюда они в закоулки души: вы становитесь тенями клубообразно летящих туманов: те туманы летят искони из-за края земного: из свинцовых пространств волнами кипящего Балта; в туман искони там уставились громовые отверстия пушек»⁴⁰ и т.д.)

Еще одну, уже революционную интерпретацию проекции представляет собой «На родине» Т. Щепкиной-Куперник. Стихотворение, отсылающее к песне «По диким степям Забайкалья» (на мотив которой оно и исполнялось) и к «Die Grenadiere» Гейне (на что намекал и псевдоним

³⁷ Ронен О. Пепел // Звезда. 2009, № 11.

³⁸ Маршал Ояма, главнокомандующий японскими войсками, в отличие от адмирала Того, связывается не с боевыми действиями на море, в том числе осадой Порт-Артура, а с продвижением сухопутных войск, Ляояном, Шахэ и Мукденом. Однако если устанавливать собственно географические соответствия, то Порт-Артур более естественно рифмуется с городом на Неве.

³⁹ Белый А. Петербург. Петроград: Типография М.М. Стасюлевича, 1916. С. 25.

⁴⁰ Там же. С. 31-32.

*Е.Островская Городские проекции войны:
русско-японская война в поэзии 1904-1906 гг. Порт-Артур*

«Гренадер» при первой публикации), переведенное М. Михайловым, известным переводчиком революционно-демократического лагеря, предлагает реалистическое прочтение социальных последствий войны, здесь прочерчиваемое не как ментальная проекция, но как маршрут возвращения от «павших твердынь Порт-Артура» «к семье». То, что у Белого прочитывается как угроза, здесь уже реализовано, но не как цивилизационная, а как социально-политическая катастрофа: довоенная мирная жизнь уничтожена:

Пришел он... В убогом жилище
Ему не узнать ничего:
Другая семья там ютилась,
Чужие встречают его...
<...>
« <...> Толпа изнуренных рабочих
Решила пойти ко дворцу
Защиты искать... с челобитной
К царю, как к родному отцу...
Надевши воскресные платья,
С толпою пошла и она
И... на смерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена...»
— «Но где же остался мой мальчик?
«Сынок мой?..» — «Мужайся, солдат...
Твой сын в Александровском парке
Был пулею с дерева снят...»
— «Где мать? ..» — «Помолиться к Казанской
Давно уж старушка пошла...
Избита казацкой нагайкой,
До ночи едва дожила...» и т.д.⁴¹

Павшие твердыни – символ военного кровопролития – проецируются в пространство столичного города и становятся символом политической катастрофы. Подчеркнутый реализм не подразумевает метафоричности, но топографическая точность описания трагедии, ориентированность ее в городских координатах (толпа рабочих у дворца – Кровавое воскресенье, Александровский парк в тот же день, казацкие нагайки на улицах города) – воспроизводит ту же модель: распространения войны от Порт-Артура в Петербург, материализовавшейся метафоры или проекции.

Обсуждаемая нами инвариантная схема инкорпорирования известий о событиях русско-японской войны в поэзию и их осмысления: «источник информации (современное СМИ, чаще всего газета) – новость с театра войны» является одним из способов лирического освоения военного нарратива. Другой важный ментальный конструкт, при помощи которого поэзия преломляет восприятие военных событий сознанием городского обывателя – проекция далекой войны в координаты столичного города, – может накладываться на первую схему (так происходит в «Двусторонней атаке») или отталкиваться от нее (так, в «На Родине» информационный поток изменяет направление, а известие из дома приходит из более традиционного источника, воспроизводящего схему прототекста, «Die Grenadiere» Гейне). Каждое из трех стихотворений, рассмотренных нами наиболее подробно, реализует, в соответствии с тезисом Д. Уэллса («это всегда

⁴¹ Солдатская жизнь № 1. 5 февраля 1906 г. С. 4.

война плюс что-то еще»), некоторую идеологическую программу, ориентированную на внутреннюю политику, творимую в столице. У Соколова – это борьба с внутренним врагом, либеральным лагерем⁴²; Щепкина-Куперник создает песню борьбы, а Белый распространяет ситуацию далекой неудачной войны до масштабов апокалипсических, где гибель грозит уже не русскому царю или государству, но русскому народу как таковому. Различные с точки зрения как идеологии, так и поэтики, эти тексты объединены конструктом поэтической проекции: свернутый нарратив Порт-Артура накладывается на имперский нарратив Петербурга с его собственной апокалипсической, имперской и урбанистической символикой. Другие топонимы, с которыми связаны события русско-японской войны, по иному встраиваются в эту схему, но это тема для отдельного разговора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. Путем вся земли // Ахматова А. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986.
2. Белый А. Петербург. Петроград: Типография М.М. Стасюлевича, 1916.
3. В.Ж. Порт-Артур // Отклик русского сердца на события Дальнего Востока: Сборник патриотических стихотворений / Издание в пользу «Комитета по организации отрядов братьев милосердия во имя Христа». Спб., 1904. С. 70
4. Война с Японией. № 3. 27 июня 1904 г.
5. Выходцев П.С. Русско-японская война в литературе эпохи первой русской революции // Революция 1905 года и русская литература. Ред. В.А. Десницкого, К.Д. Муратовой. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956.
6. Дневник войны. 1904. №2. Четверг 3 (16) июня 1904 г.
7. Голербах Э. Разъединенное // Э. Голербах. Встречи и впечатления. Спб.: Инапресс, 1998. С. 25.
8. Гренадер. На Родине // Солдатская жизнь № 1. 5 февраля 1906 г. С. 4.
9. Грякалова Н.Ю. Война на востоке и кризис европейских ценностей (евро-азиатский маршрут Максимилиана Волошина) // Грякалова Н.Ю. Человек модерна. Биография-рефлексия-письмо. Спб., 2008.
10. Ермаченко И.О. «Дары желтого моря». Атаки японских брандеров на Порт-Артур в зеркале русской прессы // Хронотоп войны. Мир и война: культурные контексты социальной агрессии 3. М.- Спб., 2007. С. 175-179.
11. Иванин Ив. Под водой // Война с Японией. № 12. 29 августа 1904 г.
12. Кодама и его сыновья // Русский вестник. 1904, №7. С. 473.
13. Отклик русского сердца на события Дальнего Востока: Сборник патриотических стихотворений / Издание в пользу «Комитета по организации отрядов братьев милосердия во имя Христа». Спб., 1904.
14. Пайман А. Русско-японская война и революция 1905 года // История русского символизма. М., Республика, 2000. С. 227-265.
15. Ронен О. Пепел // Звезда. 2009, № 11.
16. Соколов Н. Двухсторонняя атака // Русский вестник. 1904, №5. С. 444.
17. Соколов Н. Раздвинувши веер, стоит одиноко... // Русский вестник. 1904, №4. С. 834.
18. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Авторизованный перевод с английского Н. Мишаковой. М.: НЛЮ, 2009.
19. Тименчик Р. К символике телефона в русской поэзии // Труды по знаковым системам. 22. Ученые записки Тартуского университета. Вып. 831. Тарту, 1988. Тартуский гос. ун-т. С. 155-163.
20. Чужое лучше // Русский вестник. 1904, №8. С. 934
21. Японская песня // Война с Японией. № 25. 28 ноября 1904 г. С. 11.
22. Braswell S. War Stories: 'Truth' and Particulars // War, Literature & the Arts. №11 (1999), № 2. P. 148-156.
23. Filippova T. Images of the Foe in the Russian Satirical Press // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden–Boston: Brill, 2005. P. 412.
24. Scherr B. The Russo-Japanese War And The Russian Literary Imagination // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden–Boston : Brill, 2005. P. 425-448.

⁴² Ср. тезис И. Ермаченко о том, что для авторов «Русского вестника» и их окружения либералы – едва ли не более важный противник, чем японцы.

*Е.Островская Городские проекции войны:
русско-японская война в поэзии 1904-1906 гг. Порт-Артур*

25. The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero / Steinberg J, Menning B., Schimmelpenninck van der Oye D., Wolff D., Shinji Yokote, eds. Leiden–Boston : Brill, 2005.
26. Wells D. The Russo-Japanese War in Russian Literature // The Russo-Japanese war in cultural perspective, 1904-05. D. Wells and S. Wilson, eds. Palgrave, Mac., 1999. P. 86-107.